

Алексей Бородкин

Фотограф

тяга к прекрасному

Алексей Петрович Бородкин

Фотограф. Тяга к прекрасному

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30811264

SelfPub; 2018

Аннотация

Принято считать, что серийный убийца обязательно имеет психическое отклонение. Мне видится в этом упрощение. Во всяком случае, отклонение Давида (героя этого рассказа) не укладывается в современную науку. Текст повествует о жестоком человеке, в душе которого изменилось понятие красоты и чувство прекрасного. Осталась только тяга к совершенству, как внутренний двигатель. "Парфюмер", который дошел до грани, переступил её и двинулся дальше. Где и когда он остановится?..

Талантливый охотник никогда не рассматривает зверя исключительно как биологическую единицу. Это слишком примитивно и попросту неверно. Тем паче глупо считать живого зверя добычей. Понятия "охотник" и "добыча" могут перемениться в мгновение ока. "Скажешь "гоп", когда перепрыгнешь!" – так говорил Анатолий Генрихович, мой первый учитель музыки.

Любой зверь или птица – они как люди. Есть душа, разум, характер и даже темперамент. Поэтому правила ловли для каждого зверя отличаются. Именно поэтому перво-статейная важность для охотника – раскрыть суть животного, понять кто перед тобой, и только затем вязаться в схватку.

На сходнях машину тряхнуло. Передние, а затем задние колёса опустились в ложбинки. Приятно качнуло назад и вперёд. Несколько мгновений он сидел без движения, соображая, что делать дальше. Он редко пользовался паромом – фактически один раз в год, – и всякий раз опасался попасть впросак, сделать что-нибудь смешное, нелепое. Такое, что заставит очевидцев отвернуться и подумать: "Растяпа!"

В правое окно постучал служащий в униформе. Блестящая пуговица его куртки оторвалась и висела на нитке. Произнёс повелительным тоном:

– Заглушите двигатель, поставьте автомобиль на стояночный тормоз и поднимайтесь на палубу. Поторопитесь, пожа-

луйста. – Парковщик говорил глубоким бархатным баритоном.

"Странно, – подумал. – У него совершенно невыразительное и ничем не примечательное лицо. Как ложка в дешёвом кафе. А голос уникальный. Напоминает классическую музыку".

Попытался припомнить работал ли этот парень в прошлом году, когда он ездил на Остров в прошлый раз. Не вспомнил.

– Простите! – окликнул служащего. – На сигнализацию необходимо ставить?

На лбу парковщика собралась удивлённая складка. Парень посмотрел на машину впереди, переместился взглядом на позади стоящую машину. Автомобили ютились, как сельди в банке.

– Только если у вас ценные вещи в салоне. – Повёл плечами. – Угнать её с парома будет затруднительно.

Парковщик двинулся дальше, постучал в окно следующей машины.

Сделалось неловко. Зачем спросил глупость, если очевидно, что машину следует запереть?

До Острова паром шел два часа. Это в среднем. В хорошую погоду – быстрее. Сегодня дул попутный ветер и это оказалось на руку. Потом ветер усилился, поднял волну, и паром запрыгал, как мячик. В итоге получились те же самые

два часа.

От пристани до посёлка – минут двадцать на машине. Плюс десять минут потребовалось, чтобы восстановить дыхание. Он категорически не переносил качку и с трудом убедил желудок сохранить завтрак при себе.

Посёлок... странное дело, он был на Острове в четвёртый раз, но лишь в общих чертах разобрался с местным мироустройством. Вдоль морского берега тянулась главная (и единственная) улица, от неё вглубь острова отходили переулки. Поскольку рельеф побережья был довольно сложен, изобиловал разломами и скалистыми выходами, переулки располагались хаотично. Во всяком случае, он не углядел в их расположении какой-либо системы.

Схожие, в целом, дома, отличались друг от друга только деталями. Но в этих деталях скрывалось многое. Дьявол – в мелочах. Так полагает народная поговорка.

"Если приглядеться, – думал он, – можно понять в какое время строился каждый дом".

Наиболее старые крыши были крыты дранкой и серебрились на солнце. В дождливую погоду эти крыши моментально темнели до черноты, и покрывались светлым пеплом в жару. Ему всегда хотелось потрогать дранку пальцами, почувствовать её поверхность.

Позднее в моду вошла черепица, известь сменилась эмульсионной краской. Появилась силиконовая замазка и беспроводные звонки. Время – хотя и медленно – текло даже

на этом, богом отставленном Острове.

Из трёх десятков домов, дюжина сдавалась внаём.

Неделю назад он говорил с хозяйкой агентства. Договорился о съёме самого крайнего и потому самого уютного Браун Хауса.

Все сдаваемые дома имели свой "кодовый" цвет: Грей, Браун, Ред и так далее. Внешне они не отличались друг от друга (и от остальных жилищ посёлка). Такое название было прихотью... мужа... или отца хозяйки?.. Быть может, её деда?

Он напряг память, пытаясь восстановить эту деталь. Отчётливо вспомнил тот давний разговор. И черты лица хозяйки – в окно светило яркое солнце, и волосы женщины золотились, казалось горели.

...Отца?..

Нет, не уверен. Незначительные подробности уже ускользнули, словно мальки из ладоней.

И это было не важно.

За столом сидела молодая девушка лет двадцати трёх. Светлые волосы, круглое лицо, здоровый румянец во всю щёку. Глаза красивой формы – чуть подтянуты к вискам. (Он немедленно подумал о самке европейской лани.) Рот на полдюйма шире, чем того требовала гармония, и неприятно тонкие губы. "Но это ничего, – подумал. – Это не страшно".

Он попытался систематизировать её, как систематизиро-

вал всяких своих новых знакомых. Однако заленился, устав с дороги. Спросил, как ему увидеть госпожу Озолс?

– Она уехала в отпуск. На материк, – ответила девушка. – Вчера вечером.

"Чудны дела твои, Господи! – подумал он. – Я еду отдыхать на Остров, пытаюсь убежать от суеты. Хозяйка агентства проводит отпуск на материке, в гуще людей. Для меня покой здесь, а для неё – там".

– Чем я могу помочь? – приветливо спросила девушка. – Я её дочь. Пока матери нет, буду вести дела.

– Это замечательно! – он заставил себя улыбнуться. – Мне нужен ключ от Браун Хауса.

Девушка выдвинула ящик стола и на мгновение замешкавшись, подала нужный ключ:

– Всего доброго мистер Войцеховский. Приятного отдыха. Вы с семьёй?

Он принял ключ и уже отошел к двери. Остановился. Повернулся. Ответил, что он один, и что его фамилия Крейцер.

– Давид Евгеньевич Крейцер. С вашего позволения.

Девушка моментально встрепелась, лицо её переменяло выражение. Губы вытянулись, став тоньше и стервознее. Она встала из-за стола и быстро подошла к постояльцу.

– Простите, – решительно протянула руку, – но вам придётся вернуть ключ. Браун Хаус бронирован за Войцеховским.

Он демонстративно спрятал ключ за спину. Сказал, что

она не права:

– Неделю назад я созвонился с вашей матерью и забронировал дом. Два дня назад перевёл деньги. Это понятно?

Ответа не последовало, и он продолжил:

– На две последующие недели Браун Хаус – мой.

– Да поймите же! – Девушка разозлилась, и от этого её лицо утратило миловидность. Диспропорция стала ещё более очевидной. Доминирующей. – Войцеховский приезжает из Польши. Он снял дом на весь сезон. Понимаете?

– Понимаю. И даже сочувствую поляку. Однако ничем не могу помочь. Я был первым. Вы можете это проверить, позвонив вашей матери или заглянув в регистрационную книгу.

– При чём здесь книга? Вы слышите, что я вам говорю? Он заплатил за весь сезон!

Надо отдать должное, она замечательно владела интонацией и этот "весь сезон" прозвучал внушительно. Монументально. То самое слово, которым можно убить.

– Признаться, я устал с дороги, – хотелось поскорее закончить препирательства. – И мне до лампочки ваши взаимоотношения с этим... как его... с Войцеховским.

Он повернулся, чтобы уйти, она вцепилась в его рукав и с силой потянула. Глаза девушки горели, она готова была броситься в драку.

– Подождите! Я проверю журнал! – "Быть может, вы врётесь!" – светилось в её глазах.

Она раскрыла тетрадь и побежала пальцем по строчкам. Он стоял рядом и первым заметил свою фамилию.

– Видите? Браун Хаус, две недели, Давид Крейцер. Это я. Теперь, надеюсь, всё в порядке?

Она растерялась, но всего на одно мгновение. Попробовала зайти с фланга:

– Зачем вам такой огромный дом? Вы же приехали один, а у пана Войцеховского большая семья. Быть может вы согласитесь на Грин Хаус? Я готова сделать солидную скидку.

Это звучало нелепо по нескольким причинам. Во-первых, Грин Хаус был не намного меньше...

– Нет.

– Почему?

– Не хочу.

– Вы злой человек! – её прекрасные глаза превратились в щёлочки.

Он равнодушно пожал плечами:

– Следуя вашей логике, получается так.

Уже подъезжая к Браун Хаусу и, с приятным трепетом, узнавая места, он подумал: "Точно не лань... лисица. – Таки систематизировал девушку. – Первое впечатление было ошибочным. Зря не спросил её имени. Впрочем, это нетрудно будет узнать".

Он крутнул в замке ключ и чуть приоткрыл дверь. Втянул в себя воздух – он обожал аромат этого дома. Ноты сырого камня, дерева и очага. "Объёмный запах", – так он это назы-

вал. Надышавшись, он тут же, оставаясь на крыльце, хлопнул дверью. От вибрации с крыши посыпались еловые иголки и мелкая тёмная пыль с дранки. Это было приятно.

"Без меня тут живут эльфы", – подумал.

И поздоровался:

– Здравствуйте, эльфы! Я вернулся!

Следующим утром явился агент по сдаче домов. Он оставил машину в переулке, бодрым пружинистым шагом прошёл к дому. Поправил причёску маленькой расчёской. Самоуверенность граничила с наглостью.

Постучал.

– Мистер Крейцер?

Через москитную сетку агент заглянул в дом. Деловито пошарил глазами. Не дожидаясь приглашения и даже не услышав ответа, агент вошел. Это разозлило.

Давид поднялся из кресла. Пальцем заложил страницу книги.

– Хельга совсем не смыслит в бизнесе! – агент сокрушенно покачал головой. Его длинные ухоженные локоны взволновались. – Если бы Ильзе Озолс была на месте, мы бы мигом прояснили обстоятельства, мистер Крейцер! Уверяю!

– Надеюсь, что так, – нейтрально ответил Давид.

– Но, к сожалению, её нет... – Агент выпрямился во весь свой рост, выпятил живот, становясь похожим на добряка немца из пивной. Не хватало только тирольской шляпы. –

Я вас прошу... как мужчина мужчину. Простим девочке эту маленькую оплошность. – Хохотнул. – С меня бутылочка бренди. А? Что скажете? Бренди замечательный!

– Охотно простим, – согласился Давид. – Только не за мой счёт.

– Хм... – добряк помрачнел. – Вам придётся отдать ключи и освободить Браун Хаус. Сегодня приезжает Войцеховский.

Давид подошел к агенту вплотную, заглянул в глаза, желая понять, с кем имеет дело. Ответил, сдерживая гнев:

– Мне порядком надоели эти препирательства... Повторю ещё раз: я забронировал этот дом, перевёл деньги и проведу в нём положенный срок. Ни часом меньше!

– Мы не получили ваших денег.

– Невозможно. Я перевёл их два дня назад. Лично.

– И тем не менее...

– Позвоните в банк, – оборвал Давид. Он занервничал. – Разберитесь.

– Я уже звонил. Денег нет.

Давид отступил на шаг, ровно настолько, чтобы хук попал агенту в челюсть.

– Я вам не верю. Вчера на меня бросалась девица, сегодня вы... Думаю вы пытаетесь исправить свою ошибку, и делаете это очень грубо. Хамски. Воспитанные люди так не поступают.

Агент вернулся к двери, ответил с надменным выражением на лице: – В следующий раз я приду с полицией! – при-

грозил он.

– Весьма любезно с вашей стороны.

Машина агента отъехала, подняв колёсами облако пыли. Чтобы успокоиться, Давид позвонил в банк, представился. Его заверили, что деньги были переведены и мадам Ильзе Озолс их получила. Получила в тот же день и обналичила.

"Иначе и быть не могло!" – подумал Давид. Проговорил вслух: – Иначе и быть не могло! Какая наглость!

Инцидент можно было считать исчерпанным, однако успокоиться не удавалось. Давид опустился в кресло, открыл книгу, попытался сосредоточиться. Строчки прыгали перед глазами, как испуганные зайцы. Тогда он убрал книгу и подумал, что перепалка крепко взвинтила ему нервы. А это никуда не годится.

Собираясь на охоту, зверобой должен быть готов, что это занятие потребует от него многих физических и душевных сил. Только отчасти охоту можно считать приятным времяпровождением. В большей своей части состязание человека и зверя – это изнурительный труд. Стоит напомнить себе об этом время от времени.

Он закрыл глаза и сомкнул пальцы рук. Сердце колотилось, и кровь яростно пульсировала в висках. Он представил себе, как заманивает росомаху (агента Давид однозначно определил, как росомаху – зверя наглого и самоуверенного)

заманивает в сарай, сбивает с ног неожиданной подсечкой, и, усевшись на грудь и придавив руки коленями к земле, разбивает агенту голову. Удар за ударом крошит череп углом табуретки.

Фантазия удалась настолько яркой и достоверной в деталях, что разрядка получилась полнейшей. Вспышка, всплеск, а затем тишина. Блаженная тишина.

Сердцебиение утихло, навалилась дремота, приятная слабость в мышцах – невозможно даже пошевелиться. Засыпая, он подумал, что слабое место росوماхи – её любопытство. Чрезмерное любопытство делает её уязвимой.

Ужинал дома. Порезал крупными дольками два помидора, мелко покрошил огурец. Листья салата порвал руками. Какой-то спец из телевизора так посоветовал, обещал, что будет вкуснее... Разницы во вкусе не заметил, но было приятно касаться пищи руками. Невольно вспомнил индусов: разноцветные пряности и высокие горы риса. Полукольцами порезал лук. Перемешал овощи и окропил их уксусом. Майонеза добавлять не стал – свиные отбивные получились жирноваты, а день уже клонился к вечеру. Нет, диеты Давид не соблюдал, скорее, прислушивался к голосу разума. Обильная жирная пища вечером испортила бы сон. А это, в свою очередь, следующее утро.

Когда мыл посуду заглянул в зеркало – оно висело около раковины. Увидел ничем не примечательное лицо. Средне-

статистическое.

В молодости он зачёсывал волосы наверх, обесцвечивал чуб, отпускал усы, носил трёхдневную щетину в гарлемском стиле (кажется, это так называется). Иными словами, пытался выделиться из толпы. Ухищрения не делали его красавцем, но доставляли хлопоты. Мешали чувствовать себя собой.

Тогда он сбрил усы и бороду, волосы причесал набок. Стал обычным. В худшем смысле этого слова – серым.

"И очень хорошо, – подумал, ещё раз посмотрев в зеркало. – Охотник и должен сливаться с окружающей средой".

Фраза понравилась, и он подумал, что стоит целую главу своей книги посвятить искусству маскировки и мимикрии.

После ужина сварил кофе и включил телевизор. Большинство программ шло на прибалтийских языках, которых он не знал. Тогда он приглушил звук и предался воспоминаниям. В этом доме они легко всплывали в памяти.

Не стоит думать, будто охота оканчивается с удачным выстрелом или сразу после свежесвания туши. Воспоминания, рассказы и даже байки составляют значительную долю охотничьего наслаждения.

Ему было двенадцать... нет тринадцать лет. Они жили в коммунальной квартире. Дом определили под снос, и во всей громадной квартире остались только он с матерью и фельд-

шер с женой. Две запоздалые нищие семьи.

Фельдшера Давид совсем не помнил, тот часто уезжал в командировки, а когда возвращался – целыми днями спал. Лишь к ночи просыпался, шаркал тапочками в коридоре, чесал спину рукоятью щётки и пил на кухне холодную воду из-под крана. Это был человек-призрак. Его самого как бы не существовало, но оставались признаки его пребывания в помещении. Например, окурки в баночке из-под тушенки или запах табака на кухне. А ещё он громко звал жену, если в туалете заканчивалась бумага.

Его жена, напротив, запомнилась в деталях. Когда фельдшер уезжал, а мать уходила на работу, эта женщина любила ходить по квартире в полупрозрачном халате, наброшенном на голое тело. Шелковый халатик с огромными нарисованными маками. Соски совмещались с пестиками, и от этого маковые цветы казались ещё натуральнее. Живее.

Однажды Давид наблюдал, как жук лазает по траве. Дело было на лугу. Жучок бежал по одной травинке, перепрыгивал на другую, разворачивался, делал несколько шагов и снова менял стебель. Это довольно трудно – передвигаться по траве, когда ты такой маленький. Получалось, что не каждая смена пути (травинки) вела жука в правильном направлении. Иногда будто бы верное ответвление стебля заводило насекомое совсем в другую "неправильную" сторону и приходилось возвращаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.